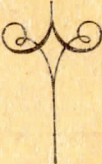

Б.Н. Бессонов

**СУДЬБА
РОССИИ:**

**ВЗГЛЯД
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ**

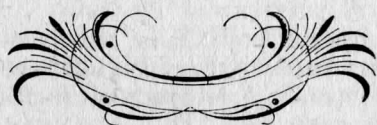
93-3
6900a

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

Б.Н. Бессонов

СУДЬБА РОССИИ:

ВЗГЛЯД
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ

Москва «Луч» 1993

Марксизм в России. «Легальный марксизм».

П. Струве:

«Власть обязана блюсти право».

Г. В. Плеханов.

«Все написанное Плехановым по философии...

лучшее во всей международной
литературе марксизма»;

«Марксизм, как единственно правильную
революционную теорию,

Россия поистине *выстрадала...*»

(В. И. Ленин)

В середине 90-х гг. на арену общественно-политической жизни России выступило социал-демократическое движение. Ленин, характеризуя этапы русского революционного движения, отмечал следующее: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» назвал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян.

Российское социал-демократическое движение опиралось на наследие своих предшественников, таких, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х гг. И разумеется, на марксизм. Первоначально — на так называемый «легальный марксизм».

Бесспорно, многие идеи «легальных марксистов», например П. Б. Струве, были весьма содержательны. Так, по Струве, высший идеал — это свобода личности, причем свобода, подлинная свобода достижима лишь на базе преемственного развития культуры. И разумеется, подчеркивал он, нельзя быть свободным, игнорируя патриотическую идею блага Родины, ценности ее национального бытия как такового.

Из этой идеи Струве выводил другую — идею государственного сознания, мистической объективности государства. В конечном счете он исходил из признания дуализма исторического процесса. Первый ряд исторических явлений подчиняется принципу причинности и составляет мир сущего, который может быть объяснен рационалистическим путем. Однако более глубокое бытие, бытие как таковое, не является данностью опыта и не может быть объяснено детерминистически. Это мир должного, личности, свободы, творчества человека.

Должное, индивидуальное, иррациональное — главное в историческом процессе; благодаря должному только и возможно говорить о целостности, связанности истории. Государство — живой организм, «соборная личность», непостижимые для ограниченного индивидуального рассудка. Его суть — власть. Без власти нет культуры; хотя культура и является свободным творчеством, она предполагает подчинение, дисциплину, т. е. невозможна без власти.

Разрешение этой антиномии — в следовании праву. Власть обязана блюсти право. Трагедия русской истории, по Струве, в том, что государственная власть всегда стремилась безраздельно распоряжаться жизнью общества. А это в свою очередь порождало безразличие к праву и со стороны революционной оппозиции.

«Разве, когда власть становится над правом и вне права, это не укрепляет подвластных в мысли, что при удобной комбинации обстоятельств и им следует перешагнуть через право и взять свое «захватным порядком»», — писал Струве (*Струве П.* Политика, культура, религия: Сб. ст. СПб., 1911. С. 212).

Исходя из этого, по Струве, интеллигенция прежде всего должна работать над созданием культуры, ибо без культуры «всякое политическое завоевание будет призраком, будет висеть в воздухе». Струве постоянно подчеркивал, что государство нельзя рассматривать лишь как техническое средство; государство имеет мистическое, божественное происхождение. Его подлинная цель — свобода, культура личности. В России же, к сожалению, самодержавие, диктующее свою абсолютную волю, и лишенная политических прав общественность, целью которой в таком случае и становится не свобода, а именно захват власти. Подлинное государство должно соединять власть, основанную на идее права, и общественность, народное мнение, опирающееся на идею свободной, личной ответственности.

Но как соединить эти крайности? Струве обращается к идее середины в философии Платона и Аристотеля. Как известно, в основе социального и политического учения Платона лежит осознание той глубинной истины, что одна и та же безусловная правда должна лежать в основе как личной, так и общественной жизни. Наряду с вырождением государства идет вырождение человека, как и,

наоборот, справедливость государства отражается на поведении граждан. По убеждению Платона, в чем сказывается мудрость государства, в том же самом она проявляется и у частных лиц. А справедливым отдельный человек бывает таким же образом, каким осуществляется справедливость в государстве. И как в отдельном индивидуе, так и в государстве чрезмерная свобода превращается в чрезмерное рабство и т. д. и т. п. Воздержание, скромность, софросине, мера, середина — вот что является ядром «методологии» рассуждений Платона. Так же и по Аристотелю, середина — свойство сущего.

Середина всегда творческое начало, точка соприкосновения общего и частного, прошлого и настоящего, внутреннего ощущения и внешнего разума.

Середина есть начало, конструирующее временной и пространственный ряд. Это — мировая душа. В этике середина — «условие возможности» свободного добродетельного поступка.

В обществе середина — это условие, основа существования свободы. Средние люди — не посредственности. Средние слои — это и не буржуа, это культурно наиболее зрелые элементы народа, это носители свободы. Если в обществе отсутствует среднее сословие, то получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, а другие — презрения. Такова позиция Аристотеля (Pol. IV). Такова точка зрения и Струве.

И поскольку русский царь правил деспотически, самодержавно, не признавая никакой «середины», никакой общественности, никаких прав и свобод, видя в русских людях лишь подданных, а не граждан, постольку и русский народ, подчеркивал Струве, отверг юридическое право самодержавия и буржуазии и возвал к праву революции. Когда революция действительно началась, П. Струве безоговорочно сравнил ее со Смутным временем начала XVII в. в России: «Тоже духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, тоже использование чужеземцами внутренней борьбы... Отсутствие нравственной твердости и подлинного патриотизма в высших классах, слабость национального сознания в классах средних, анархическая настроенность народных масс» (*Струве П.* Размышления о русской революции. М., 1991. С. 4). Конечно, любые аналогии, любые сравнения «хромают», тем не менее в характеристике русской революции, данной Струве, как и в целом в его воззрениях, содержатся важные и верные суждения и наблюдения. После

* Писатель М. М. Пришвин также отмечал, что все беды в России от того, что в ней нет средних людей. По Пришвину, средний человек — это существо, прежде всего удовлетворенное всей своей жизнью, готовое подчиняться Богу, начальству или закону.

Октябрьской революции Струве участвовал в белом движении и затем, естественно, оказался за границей, в эмиграции.

Первый русский марксист в точном смысле этого слова — Г. В. Плеханов.

Он родился в 1856 г., учился в Петербургском горном институте. Уже с 1876 г., т. е. когда ему было всего лишь 20 лет, Плеханов становится членом народовольческой организации «Земля и воля», активным организатором и участником первых русских политических демонстраций, на которых энергично выступал с призывом свергнуть самодержавие.

Все это предопределило жизненный путь Плеханова. Он стал профессиональным революционером и в 1880 г., преследуемый царизмом, вынужден был покинуть Россию. С этого времени по февраль 1917 г. он находился в эмиграции.

Здесь и стал он марксистом. В 1883 г. Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и ряд других русских эмигрантов создали в Женеве первую русскую марксистскую организацию — «Освобождение труда». В программном документе организации было заявлено о принципиальном разрыве с народничеством, с анархизмом и т. п. В качестве главной задачи члены организации поставили пропаганду научного социализма, доказательство применимости марксизма к условиям России.

В 80-х гг. Плеханов установил тесные связи с западноевропейскими социал-демократическими партиями, принимая активное участие в работе II Интернационала. В 1889 г. в Лондоне состоялось знакомство Г. В. Плеханова и Ф. Энгельса.

В середине 80—90-х гг. Плеханов создает много глубоких и ярких марксистских работ. В 1883 г. он опубликовал брошюру «Социализм и политическая борьба», которую Ленин назвал первым исповеданием веры русского марксизма, а в 1885 г. — «Наши разногласия». В этих работах, обобщая новые явления социально-экономической жизни России, Плеханов раскрыл утопический характер взглядов народников на исторический процесс, и в частности утопизм их социологических построений. Особое значение имели его работы, его практическая борьба против анархизма и ревизионизма во II Интернационале, и особенно в немецкой социал-демократии.

Конфронтация между анархизмом и социализмом, отчетливо проявившая себя еще во времена I Интернационала, на конгрессах II Интернационала еще более обострилась.

В 1894 г. Плеханов написал брошюру «Социализм и анархизм», в которой дал очерк анархических доктрин, начиная с М. Штирнера, П. Прудона и М. А. Бакунина и кончая их последователями в 80—90-х гг. Он раскрыл мировоззрение и тактику анархистов и противопоставил им точку зрения марксизма. В идеологической

борьбе того времени эта работа сыграла важную роль. Бесспорно, она способствовала тому, что на Лондонском конгрессе анархизм потерпел серьезное поражение.

И хотя эта книга не была свободна от недостатков, Ленин в 1920 г. в связи с обострившейся дискуссией в рабочем движении с левооппортунистическими силами предложил ее издать вновь. Книга Плеханова была переведена также и во многих европейских странах. Спустя четыре года, т. е. в 1898 г., он опубликовал новую книгу, посвященную анализу философского ревизионизма — ревизионизма неокантианской чеканки, подменявшего материалистическое мировоззрение неокантианством.

В то время большинство теоретиков II Интернационала фактически недооценивали опасность ревизионизма, понимали его либо только как настроение, каприз, либо только как интеллектуальное движение. Вообще философское мировоззрение они, теоретики II Интернационала, объявляли частным делом революционера. Плеханов отклонил подобную терпимость, доказывая четкую связь марксизма с материализмом. Философскому обоснованию марксизма посвящены такие очень глубокие работы Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К вопросу о роли личности в истории», «О материалистическом понимании истории» и ряд других.

Большое внимание Г. В. Плеханов уделял изучению истории России. Он показал ее глубокую противоречивость, «азиатчину» и деспотизм.

«Старая Московская Русь отличалась совершенно азиатским характером, — писал Г. В. Плеханов. — Он бросается в глаза как в экономическом быте страны, так и во всех нравах и во всей системе государственного управления. Москва была своего рода Китаем, но этот Китай находился не в Азии, а в Европе. Отсюда то существенное различие, что, между тем как настоящий Китай всеми силами отбивался от Европы, наш московский Китай еще со времен Ивана Грозного с оружием в руках стремился прорубить себе в нее хоть маленькое окошечко. Петру удалось решить эту великую задачу. Он совершил огромный переворот, спасший Россию от окостенения. Но царь Петр мог сделать лишь то, что было доступно царской власти. Он завел постоянное, по-европейски вооруженное войско и европеизировал систему нашего государственного управления. Словом, к азиатскому туловищу Московской Руси «царь-плотник» приделал европейские руки». Однако, «вздернув Россию, по выражению Пушкина, «на дыбы», великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества. Все учреждения, хоть отчасти сдерживавшие царскую власть, были уничтожены, все предания и обычаи, хоть

немного охранявшие его достоинство, были забыты...» (Плеханов Г. В. Избр. философ. произв.: В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 409—410).

Деспотизм, крепостничество стали главной причиной все более растущего отставания России от Европы. К середине XIX в. Западная Европа встала или вставала уже на путь капиталистического развития. Во всяком случае, это касается таких передовых европейских стран, как Англия и Франция. Россия же по-прежнему оставалась феодально-крепостнической. Результат не замедлил сказаться: поражение России в Крымской войне.

Поражение в Крыму всколыхнуло Россию. Все слои русского общества почувствовали, поняли необходимость отмены крепостного права.

Г. В. Плеханов следующим образом характеризует основные причины, приведшие к отмене крепостного права в России: «Реформы Александра II вызваны были крымским погромом, который навязал нам программу преобразований, безусловно необходимых для самосохранения России как европейской страны. Основанием всех других реформ было тогда уничтожение крепостного права. Оно, кроме общих экономических соображений, было предпринято еще и потому, что ежегодно возрастающее число крестьянских бунтов заставляло опасаться народного восстания... Крымский погром показал, какое огромное расстояние отделяет нас от Западной Европы. Между тем как мы почивали на лаврах, пожатых во время наполеоновских войн, и возлагали все свои надежды на азиатское терпение нашего солдата да на молодецкие свойства русского штыка, передовые народы Европы сумели воспользоваться всеми успехами новейшей техники. Волей-неволей приходилось пошевелиться и нам. Государству нужны были новые средства, новые источники доходов. Но для того чтобы найти их, необходимо было уничтожить крепостное право, сильно стеснявшее тогда наше промышленное развитие» (там же. С. 402—403, 410).

Противоречивость российской истории, экономическую и культурную отсталость России Плеханов рассматривал как серьезное препятствие для социалистических преобразований в России. Он полагал, что отсталость, незрелость России будет подталкивать революционеров к насилию, к диктатуре, к чрезмерной концентрации власти. Через пять лет после революции, предостерегал он Ленина, в России будет установлена диктатура одной партии, через десять лет — единоличная диктатура.

Так и случилось.

Ленин остро полемизировал с Плехановым. Он считал, что Плеханов не смог в полной мере оценить, что революционные задачи русского пролетариата и его партии в тактическом отношении существенно отличались от задач, стоявших перед западноевропейской социал-демократией; некоторые важные положения марксизма

он продолжал трактовать излишне прямолинейно, догматически. В конечном счете все это и привело Плеханова на позиции меньшевизма. Возможно, если бы Ленин не умер в 1924 г., он сумел бы доказать, что социализм в России можно построить без кровавой диктатуры, без насилия и деспотизма. Но Ленин умер (к тому же уже при жизни Ленина обнаружились тенденции к насилию), и Плеханов оказался прав.

Вместе с тем необходимо отметить, что Ленин высоко оценивал теоретические заслуги Плеханова. В 1921 г. он говорил, обращаясь к молодым членам партии, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290).

В конце 90-х гг. во главе российского революционного движения встал В. И. Ленин. Ленин, большевики решительно отвергли все старые доктрины, которые, по их мнению, уже не соответствовали утверждавшимся в России капиталистическим социально-политическим отношениям. Они доказывали, что обращение к марксизму для объяснения происходящих в России процессов стало объективной необходимостью.

Правильность марксизма как революционной теории рабочего класса, по словам Ленина, «доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7—8).

Учение Маркса и Энгельса было выработано в эпоху домонополистического капитализма. В конце XIX в. мировая капиталистическая система стала втягиваться в стадию империализма, который существенно обострил противоречия этой формации.

В России к этому времени сконцентрировались противоречия не только свойственные буржуазному строю, но и обусловленные наследием самодержавно-крепостнических порядков. Этим и объясняется, почему именно Россия оказалась центром мирового революционного движения. Она представляла собой наиболее слабое звено

в цепи империализма, потому что в ней назрел коренной революционный переворот, соответствующий интересам большинства населения страны, и прежде всего рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Бесспорно, Маркс и Энгельс уловили специфику России. Это «известный род капитализма, — писал К. Маркс в черновых набросках письма В. И. Засулич, — вскормленный за счет крестьян, при посредстве государства...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 415). Уже по своему происхождению российские капиталисты, отмечал Ф. Энгельс, «были частью банкиры и купцы-импортеры, преимущественно немцы или их потомки, и частью сами русские, нажившиеся на внутренней торговле, главным образом откупщики питейных сборов и поставщики армии, разбогатевшие за счет государства и народа... В дальнейшем эту буржуазию, особенно промышленную, стали буквально наращивать посредством щедрой государственной помощи, субсидий, премий и покровительственных пошлин, постепенно доведенных до крайних пределов» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 261).

Новые общественные потребности, возникшие в конце XIX в. в европейских капиталистических странах, и особенно в России, поставили перед марксистской наукой чрезвычайной важности задачи. Нужно было дать теоретическое обоснование революционной борьбы пролетариата против капитализма и империализма, выработать стратегию и тактику революционной партии нового типа, развить теорию социалистической революции, программу строительства социализма. Все эти важные задачи во многом были решены Лениным. Его обвиняли и сейчас обвиняют в том, что он создал ленинизм — учение, ничего или мало что имеющее с марксистским учением, отвечающее исключительно особенностям России и потребностям большевиков захватить политическую власть в стране. Наряду с этим Ленина обвиняют в противоположном — в том, что он якобы некритически воспринял марксизм и «навязал» его российским революционерам, России, будто бы чуждой марксистским идеям.

Как В. И. Ленин относился к учению К. Маркса и Ф. Энгельса? Конечно, он был «ортодокс». Но он связывал с понятием «марксистская ортодоксия» отнюдь «не простое истолкование Маркса», а убеждение в «самодостаточности» марксизма как теории и практики общественного развития конца XIX — начала XX в.

«Не будем верить тому, — писал он в статье «Еще к вопросу о теории реализации», — что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на

ортодоксию, которая отличается диаметрально противоположными качествами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 87). Ленин понятие «применение теории» никогда не рассматривал в узкоутилитарном плане, лишь как процесс решения с помощью теории конкретной практической задачи. С точки зрения Ленина, марксизм не является всегда тождественной себе логической конструкцией; марксизм — постоянно развивающееся знание.

Ленин остро спорил со многими теоретиками II Интернационала, которые не осознали или не осознали в полной мере новое качество марксизма как социальной теории, как формы социального знания. Они недооценивали марксизм как целостное учение, как систему философских, политико-экономических идей; фрагментарно воспринимали его категориально-понятийный аппарат. Их философский нигилизм суживал мировоззренческие и методологические функции философии в марксистском общественном знании. Они догматически относились ко многим общественно-политическим выводам марксизма.

Ленин решительно выступал и против субъективной социологии народников. Бесспорно, народническая доктрина была во многом направлена против вульгарного исторического материализма, который в виде экономического детерминизма широко распространялся в ту пору от имени марксизма. Если представитель «легального марксизма» П. Струве отождествлял развитие капитализма в России с обретением цивилизованности и призывал, признав нашу некультурность, пойти на выучку к капитализму, то народники, видя, какие страдания несет народу капитализм, во весь голос заявили о недопустимости механического переноса закономерностей, присущих развитию одних стран, на другие, без учета их конкретно-исторических условий. Это было правильно. Но беда народников была в том, что они не видели, что Россия вступила уже на капиталистический путь развития, и ратовали за сохранение в сущности отживших форм производства.

Выступая против капитализма в России, Михайловский обвинял марксистов в том, что они, уверовав в непреложность исторической схемы своего учителя, попадают в странное и трудное положение, ибо вынуждены утверждать всеобщность капитализма для всех.

Ленин в статье «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» отвечал Михайловскому так. Во-первых, «ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь всеобщей философско-исторической схемы... Никогда ни один марксист не основывал своих... воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее (общей философской теории. — Б. Б.) с действительностью и историей...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 195). Марксизм, считал Ленин, видел свой

критерий в формулировке и в теоретическом объяснении борьбы общественных классов и экономических интересов, не основываясь ни на чем другом, кроме как на фактах.

Во-вторых, что касается капитализма, то «социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма... когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному капиталу. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест... классовую борьбу...» (там же. С. 241).

Ленин отверг обвинения Михайловским марксизма и марксистов в том, что у них нет идеалов, что они стоят на узкоклассовой точке зрения и фаталистически ожидают будущее и т. д. и т. п. Разумеется, замечал Ленин, марксист не может не радоваться успеху пролетарского класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. п. Тем не менее Михайловский не прав: он не разобрался в весьма элементарном вопросе о различии детерминизма и фатализма, отмечал Ленин.

Трудящиеся, продолжал он, борются за свержение капитализма вовсе не потому, что поверили в «светлое будущее», и не потому только, что они познали законы общественного развития, осознали историческую неизбежность смены капитализма социализмом, но, безусловно, и потому, что социализм в их глазах, в их сознании предстает как воплощение передовых этических принципов, высоких моральных норм. В конечном счете суть полемики марксистов с либеральным народничеством, другими критиками марксистского учения, подчеркивал Ленин, коренится не в том, быть или не быть идеалам, является либо не является социализм воплощением моральной чистоты, а прежде всего и исключительно в том, как возникают, как строятся, как осуществляются эти идеалы (см. там же. С. 435).

Марксист не может быть без идеалов, они ему нужны; но в любом случае идеалы выступают не как благие пожелания, а как насущное требование, порожденное объективными условиями, как воплощение интересов рабочего класса, трудящихся. Идеологи трудящегося класса, указывал Ленин, должны наконец признать, что «идеалы» должны заключаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха своих стремлений является не разработка советов «обществу» и «государ-

ству», а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда (идеологи. — Б. Б.) не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, вроде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд», на которые с таким величественным пренебрежением смотрит ширококвещательный народник» (там же. С. 407—408).

Оценивая теоретические и политические позиции народничества в целом, Ленин отмечал его утопический характер. Желая прийти к социализму, минуя капитализм, в действительности народники проводили не социалистическую, а общедемократическую линию, состоявшую в требовании наделить крестьян землей.

«И в этом последнем вопросе утопия народников играет своеобразную историческую роль. Будучи утопией насчет того, каковы должны быть (и будут) экономические последствия нового раздела земель, она является спутником и симптомом великого, массового демократического подъема крестьянских масс, т. е. масс, составляющих большинство населения в буржуазно-крепостнической, современной, России... — подчеркивал Ленин. — Ложный в формально-экономическом смысле, народнический демократизм есть истина в историческом смысле; ложный в качестве социалистической утопии этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 119, 120).

Однако вместе с расколом вследствие утверждения капиталистических отношений в деревне «раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой... вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества», — подчеркивал Ленин (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 272).

Критикуя либеральных народников за их «фразерство», за то, что они пошли назад от «идеалов отцов» (Чернышевского и Герцена),

Ленин тем не менее всегда требовал в их программе «строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны».

Эта программа реакционна, поскольку привязывала крестьян к старым, изжившим себя формам производства; прогрессивна, поскольку в ней были требования самоуправления, доступа народа к знаниям, подъема мелких хозяйств посредством дешевых кредитов, улучшения техники, упорядочения сбыта и т. д. и т. п.

Остро полемизировал Ленин по вопросу о «несвоевременной» революции. Дело в том, что Плеханов, Мартынов, другие меньшевики, ссылаясь на экономическую, политическую и культурную отсталость России, доказывали, что ориентация на подготовку революции в российских условиях несвоевременна, обрекает ее на поражение, что, собственно, и подтверждают революционные события 1905 г.

Ленин выступал с критикой таких взглядов, считая, что вопрос о несозревшей революции, безусловно, чрезвычайно важен как с теоретической, так и тем более с практической точки зрения. В свое время эту проблему, отмечал Ленин, весьма остро поставил Энгельс в связи с анализом событий Крестьянской войны под руководством Т. Мюнцера. В частности, Энгельс показал, что и объективные, и субъективные факторы, экономические и классовые отношения в Германии в 1525 г. противоречили надеждам Т. Мюнцера совершить социалистический переворот. Это и обусловило трагизм положения Т. Мюнцера как вождя восстания. Однако Энгельс отнюдь не предостерегает: не надо было вступать в бой, не надо было братья за оружие, как это писал, например, Плеханов в связи с поражением первой российской буржуазно-демократической революции 1905 г. Нет, подчеркивал Энгельс, нужно сделать все, чтобы посредством правильной тактики извлечь максимальные исторически возможные в данной ситуации результаты.

В. И. Ленин, дискутируя по поводу «незрелости» русской революции 1905 г. с Плехановым и Мартыновым, также обращавшимися к анализу Энгельсом Крестьянской войны в Германии, показал, в чем заключается извращение, в частности, Мартыновым взглядов Энгельса: «Энгельс видит опасность в смешении вождем мнимосоциалистического и реальнодемократического содержания переворота, а... Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя сознательно диктатуру в проведении демократической республике... Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса. Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а... Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и

крестьянству обеспечить действительно демократической республике... Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается со своей классовой дороги на чуждую классовую дорогу... Мартынов... говорит о гибели того, кто пройдет дальше и дальше по верной классовой дороге» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 7, 8).

Конечно, капитализм в России в начале 900-х гг. еще только наступывал пути своего естественного развития. Но парадоксально: «естественно» развиваться он уже не мог. Он был обременен изжившими себя самодержавием и помещичье-крепостническими пережитками и был поражен острыми социальными противоречиями между капиталистами и рабочим классом, трудящимися. Эта «неестественность» капиталистического развития России ускоряла созревание революционной ситуации. Буржуазно-демократическая революция в России приобрела новые, отличные от западноевропейских революций черты: ее ведущей, руководящей силой стал рабочий класс. Понятно, что это оказало решающее воздействие и на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую в октябре 1917 г.

В этой связи примечательны суждения русского философа кн. Н. С. Трубецкого, который в статье «К типологии правящего слоя новой России» подчеркивал, что для понимания внутренней структуры российской революции важно увидеть за огромным плащдармом, заключающимся в крестьянских массах, пружину рабочего движения. Так, он писал: «Несмотря на «крестьянский океан», слабую индустриализацию, ничтожный процент действительного пролетариата — русская революция, в основных своих чертах, прошла под знаком рабочей «диктатуры», рабочей доктрины и психологии. Именно тот факт, что рабочие влились в революционное движение, и предопределил формирование новых революционных кадров, а именно большевиков, близких и понятных народным низам».

Н. С. Трубецкой отклонял также «идею» успешного экономического развития России на рубеже и в начале XX в. (ее, кстати сказать, сегодня некоторые публицисты и исследователи пытаются реанимировать). Дореволюционный экономический расцвет России, который можно назвать периодом русского псевдокапитализма, и был *facies* Нурросгратика самодержавия; в нем-то и сгустились те яды, которые отравили до той поры наивное сознание русского рабочего люда.

Капитализм европейского образца, поощряемый сверху, входил и развивался в чуждой и ложно усваивающей его политической и социально-культурной среде. И поскольку государственная власть ничем не поступалась для примирения искусственно выращиваемого псевдокапитализма с доживающим укладом поместно-натурального

хозяйства, создавались по всем линиям их пересечения и сплетения те противоречия, которым и суждено было зажать в своем узле рабочий класс и тем ускорить его революционное и организационное созревание.

В конечном счете в Советской России впервые реализовало себя с величайшей энергией, в конкретных формах государственности политическое сознание протонародно-рабочих масс. Таков вывод Н. С. Трубецкого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- ВВЕДЕНИЕ «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». Русская идея? Что это? — 3
- ГЛАВА I Становление и идейное оформление русского свободомыслия (А. Н. Радищев, декабристы, П. Я. Чаадаев). «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине» — 10
- ГЛАВА II «Русских ждет великое будущее...» Славянофилы (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков) — 18
- ГЛАВА III Западники. В Европе — «признание личности», у нас, в России, «лицо всегда было подавлено, поглощено... человек пропадает в государстве» (А. И. Герцен) — 26
- ГЛАВА IV «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении...» (В. Г. Белинский). И. С. Тургенев — 34
- ГЛАВА V Кружок Петрашевского. «Для русского народа придет время постижения общечеловеческих интересов» — 43
- ГЛАВА VI Ф. М. Достоевский: «Стать настоящим русским, стать русским... значит стать братом всех людей, ВСЕЧЕЛОВЕКОМ...» — 47
- ГЛАВА VII Н. В. Гоголь: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это все могущее слово: *вперед?*» — 54
- ГЛАВА VIII М. А. Бакунин: «Радость разрушения есть в то же время творческая радость» — 58
- ГЛАВА IX Революционные демократы (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев). «Опираясь на общину, Россия может избежать язв «пролетарства» и прийти к социализму, минуя капитализм». «Придет же он, наконец, этот день, настоящий день!» — 62
- ГЛАВА X Н. Я. Данилевский: «Для всякого славянина... идея славянства должна быть выше идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше великого земного блага...» — 74
- ГЛАВА XI Ф. И. Тютчев: «Россия подобна кораблю, севшему на мель. Лишь одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять его и пустить в ход» — 80
- ГЛАВА XII В. Л. Соловьев: «Мы, как народ, спасены от гибели не национальным эгоизмом и самонением, а национальным самоотречением». Н. Ф. Федоров: «Только любовь приводит к братству» — 85

- ГЛАВА XIII *К. Н. Леонтьев:* «В Швейцарии... морали средней наверное больше, но зато ни о. Амвросий, ни Скобелев, ни Толстой уже невозможны» — 97
- ГЛАВА XIV *В. В. Берви-Флеровский:* «Как велика была бы наша сила, если бы мы сплотили все части нашего общества» — 103
- ГЛАВА XV «Хождение в народ» (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский). «„Народники“ уплатили свой долг: „употребили“ все свои силы на то, чтобы „уменьшить зло в настоящем и будущем“» — 106
- ГЛАВА XVI *П. А. Кропоткин:* «Народ, „толпа без имени“, прежде всего „создают все формы взаимной поддержки“» — 113
- ГЛАВА XVII Марксизм в России. «Легальный марксизм». *П. Струве:* «Власть обязана блюсти право». Г. В. Плеханов. «Все написанное Плехановым по философии... лучшее во всей международной литературе марксизма»; «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала...*» (*В. И. Ленин*) — 117
- ГЛАВА XVIII «Ленин, большевики спасли Россию» (*Н. Бердяев*) — 131
- ГЛАВА XIX Духовные искания русской интеллигенции на рубеже XIX и XX вв. Россия: Восток или Запад? Каким путем она пойдет? — 136
- ГЛАВА XX *Л. Толстой:* «Спокойствие — душевная подлость» — 145
- ГЛАВА XXI Русские мыслители (Бердяев, Франк, Шестов, Булгаков, Розанов, Карсавин, Шпет, Волошин, Бунин и др.) об истоках русской революции («*Вместо борьбы с конкретным злом — эсхатологическое ожидание Абсолютного Добра, человекобожие, слепая вера в революцию, подчинение политическому идеалу всего и вся: науки, нравственности, даже частной жизни и т. д. и т. п.*»); о русской интеллигенции и ее роли в революции («*Русская интеллигенция не любит богатства, а любит только справедливое распределение*»); о русском характере («*Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам кузнец своей судьбы*») — 151
- ГЛАВА XXII Проблема цели и средств в русской революции. «...Многое прощается развитию, прогрессу; но тем не менее, когда террор делался во имя успеха и свободы, он по справедливости возмутил все сердца» (*А. И. Герцен*): «Да, русские руки часто слишком уж легко подымались и теперь подымаются на многое, на что бы не следовало» (*В. Г. Короленко*) — 182
- ГЛАВА XXIII «Мы, русские, слишком „широки“» (*Ф. М. Достоевский*); мы всему отдаемся беззаветно, нам надо дойти до конца — 200
- ГЛАВА XXIV «Нам, русским, необходимо отказаться от крайностей. Нам нужны равновесие, уравниженность. Без них — социальное и нравственное „нестроение“» (*Ф. М. Достоевский*) — 217

ГЛАВА XXV «Нам необходимо отказаться от „Перунова заклатья“ — политической жесточенности. Подлинно демократическое государство должно «соединить власть, основанную на идее права, и общественность — народное мнение, опирающееся на идею свободной личной ответственности» (П. Б. Струве) — 225

ГЛАВА XXVI Россия — «не случайное нагромождение территорий и племен, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм» (И. А. Ильин) — 234

ЗАКЛЮЧЕНИЕ Россия не погибнет. Русский народ скажет миру свое слово, свою мысль; русские смогут «собрать», «всепримирить» другие народы, решающим образом содействовать духовному «всеединству» человечества — 248